

универсальная сущность, состоящая из универсальной формы и универсальной первоматерии, которая сама по себе, впрочем, существует только в силе, однако в тех многочисленных формах, в которые она облечена, существует в действии (*acte*). Итак, материя всего мира тел существует как таковая посредством формы телесности, которую она актуализирует и принимает. Одно конкретное тело от другого кон-

кретного тела отличают одна или несколько дополнительных форм, в силу которых оно определяется как простой минерал, или растение, или животное, или человек. Так что, как будут говорить впоследствии, в любом составном теле присутствует «множество форм», а все тварные существа, так сказать, входят друг в друга в соответствии со степенью всеобщности определяющих их форм. В этом порядке, согласно которому существа существуют одно в другом, можно указать девять основных степеней: 1) все существуют и пребывают в Божьем знании; 2) универсальная форма в универсальной материи; 3) простые субстанции одна в другой; 4) простые акциденции в простых субстанциях; 5) количество в субстанции; 6) поверхности на твердых телах, линии на поверхностях и точки в линиях; 7) цвета и изображения на поверхностях; 8) однородные части тел одни в других; 9) все тела одни в других, причем здесь пребывает их общий способ существования, который известен под названием «место».

Нельзя не признать неоплатонического характера Вселенной, где все существа суть то, что они суть, благодаря заложенным одна в другую формам, которые принимает каждое из существ. Но с другой, не менее важной точки зрения космология Гебиrolя становится глубоко иудаистской, и это, как и следовало ожидать, происходит в тот момент, когда она превращается в космогонию. Вместо того чтобы проистекать из Высшей мысли посредством диалектического развития, мир Гебиrolя со всей своей структурой форм, вовлеченных одна в другую, является производным от высшего принципа, который он называет Волей. Пока Гебиrolь ограничивается описанием «что» относительно вещи, он остается верным греческой традиции, когда же ставит вопрос «почему?», его мышлением овладевает библейская традиция, и Бог Книги Бытия, возможно, в большей степени, чем бог «Тимея», становится единственным началом, доступным объяснению: «*in esse non sunt nisi haec tria: materia*

281

2. Еврейская философия

videlicet et forma, et essentia prima, et voluntas quae est media extremorum)*. Довольно трудно выяснить, совпадает ли эта Воля с Богом, проявлением которого вне самой себя она является, или ее следует рассматривать как гипостазис, то есть только как духовную субстанцию, изливающуюся от Бога. Впрочем, Гебиrolь не претендует на то, чтобы это начало было полностью умопостигаемым. Напротив, «это указывает на великую тайну, на то, что все существа удерживаются Волей и зависят от нее, ибо посредством нее всякая форма существ равным образом прочерчивается и запечатлевается в материи... В самом деле, именно Воля удерживает и фиксирует формы на границах, где они останавливаются, и именно посредством Воли формы расположены и узаконены в правильном порядке, постоянно находясь в зависимости от нее и будучи удерживаемы ею» (перев. С. Мюнка).

Легко понять, почему такое учение смогло увлечь стольких христианских мыслителей. Оно давало философское описание умопостигаемого мира, над которым нависла высшая воля, подобная воле Бога Священного Писания, короче говоря, — неоплатоническая Вселенная, которая якобы была желанна Богу. В такого рода мире, где сущие тем более умопостигаемы и разумны, чем более они бестелесны и просты, человек занимает среднее